



СМЕРШ —
спецназ Сталина



ЧЕЛОВЕК С ДВОЙНОЙ ТЕНЬЮ

Александр Тамоников

Александр Александрович Тамоников

Человек с двойной тенью

Серия «СМЕРШ – спецназ Сталина»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67844538

*А. А. Тамоников. Человек с двойной тенью: ООО «Издательство
«Эксмо»; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-171234-1*

Аннотация

1943 год. Красная армия развивает наступление. Промышленность страны работает на пределе. Значительную часть военной продукции выпускает Кузнецкий металлургический комбинат. Именно там Абвер готовит серьезную провокацию. Планы немцев становятся известны советской контрразведке. На комбинат направляется старший лейтенант СМЕРШ Семен Горюнов. Ему удастся внедриться в диверсионную группу. Но вычислить, кто ею руководит, не так-то просто: агенты получают указания через связных и не знают главарей в лицо. Понимая, что до намеченной акции остаются считанные дни, Горюнов спешно разрабатывает хитроумный план...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	50
Глава 7	55
Глава 8	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Александр Тамоников

Человек с двойной тенью

© Тамоников А. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Глава 1

Своей жизнью Георгий Миловидов был очень доволен. Он считал себя везунчиком, счастливым человеком и во всех отношениях успешным человеком. Шутка ли – ему только недавно исполнилось тридцать лет, а он уже заместитель директора угольного треста! И живет не где-нибудь, а в большом, красивом городе Сталино. И не в какой-нибудь хибаре или коммуналке, а в отдельной квартире со всеми мыслимыми удобствами. Плюс хорошая зарплата, плюс персональная машина.

И это – только начало служебной лестницы! Да-да! У руководства треста он на хорошем счету – да что там руководство треста! Даже столичное начальство, бывая в Сталине, не раз намекало Георгию Миловидову, что впереди его ждет просто-таки головокружительная карьера! Сейчас, мол, тысяча девятьсот сороковой год, потерпи еще годик, поработай заместителем, наберись опыта, а вот настанет тысяча девятьсот сорок первый год, и мы непременно будем продвигать тебя дальше. Такие специалисты, как ты, стране нужны просто до зарезу! Впереди – грандиозные промышленные задачи, а ты молодой, грамотный, амбициозный, умеющий мыслить перспективно и творчески, член партии – что еще надо для отменного руководителя?

А еще Георгий Миловидов был хорош собой – просто-та-

ки красавчик! Женщины ему так прямо об этом и говорили, а многие мужчины завидовали. Кстати, о женщинах: они Георгия очень любили, просто-таки обожали, да и как не любить такого красавца? Не одна дама строила относительно Георгия планы и мечтала стать хозяйкой в его роскошной квартире. То есть, иначе говоря, стать Георгию женой. Да притом какие это были дамы! Молодые, красивые, отцы которых были сплошь видными партийными и хозяйственными руководителями. Такой союз, безусловно, сулил Георгию дополнительные жизненные выгоды, но, несмотря на это, обзаводиться семьей он не торопился. А зачем? Нет ничего дороже свободы, а семья, как ни крути, свободу ограничивает. Так считал Георгий.

А кроме того, ему и без супруги хватало женского внимания. Можно даже сказать, что такого внимания было в избытке. Да и как не быть при таких-то его достоинствах и при таком положении! Редко какую ночь Георгий проводил в одиночестве, всегда находились желающие из числа местных и заезжих красавиц провести с ним ночьку-другую в его роскошных апартаментах. Конечно же, большинство таких красавиц настаивали затем на официальном продолжении отношений, то есть намекали о своем желании выйти за Георгия замуж. Приходилось изыскивать способы и находить слова, чтобы объяснять таким настойчивым дамочкам, что семейная жизнь не входит в житейские планы Георгия. Красавицы реагировали по-разному: кто-то молча разворачивался и

уходил, кто-то норовил вклеить Георгию пощечину. Бывали и такие, кто устраивал скандалы и даже жаловался на Георгия в партийные верха. Дескать, обратите внимание и примите меры – ваш красавец ведет себя аморально.

Случалось, что Георгия даже вызывали в эти самые партийные верха для выяснения причин поступавших на него жалоб и для профилактических бесед. «Ну а они-то, эти дамочки, кто такие? – обычно отвечал Георгий на все партийные претензии. – Разве я их к чему-то принуждал? Разве я их брал силой? Сами того захотели! Еще и упрашивали: пригласи, мол, к себе в гости! По пятам ходили, проходу не давали! Ну, что желали, то и получили. Так на что им жаловаться? На то, что я не хочу их брать в жены? Так и не возьму – таких-то. Это мое человеческое и партийное право – кого мне брать в жены, а кого не брать. Для чего мне такие вот стговорчивые? Эдак их уговорит любой...»

В ответ на такую риторику партийное начальство смущенно чесало в затылке или за ухом и говорило Георгию: «Ну, ты там все равно поумерь свой пыл. И чтобы твои красавицы тоже не жаловались. А то мало ли что? Дойдет до верхов, а оно тебе надо? Ты у нас перспективный и подающий надежды молодой руководитель. Этак, чего доброго, пустишь под откос всю свою жизнь. Из-за баб-то... Зачем тебе это? Да и нам докука. Куда, спросят, вы смотрели? Товарищ морально разлагался прямо на ваших глазах, а вы что же?.. Так что ты там смотри... А лучше – женись. Враз остепенишься».

«Ну, так для этого надо прежде влюбиться!» – возражал Георгий. «Так и влюбись, – пожимало плечами партийное руководство. – В чем же дело?»

На том обычно разговор и заканчивался. Нельзя сказать, что Георгий не делал выводов из таких разговоров. Выводы делать приходилось – иначе и впрямь рано или поздно ему могли припасть аморалку со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Но вместе с тем и отказываться от такого удовольствия, как интимные отношения с женским полом, ему тоже не хотелось.

После долгих размышлений Георгий напал на удачную, как ему показалось, мысль. Перед тем как пригласить какую-нибудь очередную красавицу к себе в гости, он стал проводить с нею осторожные предварительные беседы на тему о том, с какой целью красавица собирается к нему на ночлег. Просто так, чтобы приятно провести время, или рассчитывает на дальнейшие отношения в смысле замужества? И если оказывалось, что дама была не прочь продолжить отношения и намекала на какие-то перспективы, Георгий тут же прекращал с такой дамой знакомство. Как говорится, побережешься – целее будешь. Но даже при таком избирательном отношении Георгия к женскому полу знакомых у него хватало.

Тем более что оставалось еще одно удовольствие – рестораны. Рестораны были страстью Георгия, его любимым времяпрепровождением. Ему очень нравилось приходить по вечерам в ресторан, садиться за столик, заказывать еду и на-

питки, да не просто заурядные еду и напитки, а нечто утонченное и изысканное, чего на других столах не было. Вечернее посещение ресторана было для Георгия своего рода ритуалом. Ему нравилось сидеть в одиночестве за столом, смаковать вино или коньяк, нарочито лениво ковыряться в тарелках с закуской, смотреть по сторонам и ловить направленные на него взгляды.

О, эти взгляды! Наверное, это было главное, зачем Георгий приходил в ресторан. Сколько всего было в этих взглядах! Уважение, восхищение, зависть, потаенная, а иногда и откровенная злоба – да мало ли кто и как на него смотрел! Большинство посетителей ресторана были здесь людьми случайными, для них ресторан был редким праздником и, наверное, выдающимся событием в жизни. Все-таки жизнь была трудной, не слишком богатой, хлопотной, и потому большинству людей было не до ресторанов. И потому Георгий казался посетителям ресторана обитателем какого-то другого мира, где не было тяжелого труда и нелегкого быта, не было забот и волнений... Разумеется, жителю такого мира полагалось завидовать – умеют же устраиваться в жизни люди! Ну а где зависть, там и злобность. И то, и другое чувства, которые Георгий вызывал у окружающих, ему нравились, он любил быть в центре всеобщего внимания, ему нравилось ловить на себе прямые, потаенные и перекрестные взгляды, читать эти взгляды, изредка отвечать своим взглядом – насмешливым, нарочито равнодушным, многосмысленным... Он, Георгий,

ощущал себя существом, которое во всем выше, разумнее и удачливее, чем те, кто сидит за соседними столиками, и такое ощущение наполняло его гордостью за самого себя – столь успешного в жизни и красивого собою...

А еще в ресторанах были женщины. Это было второе удовольствие, ради которого Георгий приходил в ресторан. Редко какой вечер ему удавалось досидеть в одиночестве за своим столом. Рано или поздно к нему обязательно подсаживалась какая-нибудь ресторанный красотка, а дальше – все понятно. Дальше все следовало по своему обычному сценарию: все было предсказуемо, но вместе с тем желанно и приятно.

Глава 2

Здесь-то, в ресторане, Георгий и познакомился с Вероникой. Случилось это самым обыкновенным, можно даже сказать заурядным, образом. В тот вечер Георгий, как обычно, сидел за своим столиком и смаковал вино. Оно и впрямь было недурственным, с иностранными буквами на этикетке бутылки. Директор ресторана лично знал Георгия как превосходного постоянного клиента и старался поддерживать с ним хорошие отношения. Мало ли что, а вдруг пригодится? Как-никак – начальник. Поэтому он потчевал Георгия особыми закусками и напитками, если таковые в тот момент в ресторане имелись.

Вот и в этот вечер директор распорядился выставить перед Георгием бутылочку вина, привезенного аж из самой Германии. И даже сделал Георгию приветственный жест рукой, будто случайно на миг появившись в зале, на что Георгий ответил равнодушным полупоклоном. Он также был не прочь поддерживать с директором ресторана отношения по той же самой причине – а вдруг пригодится? Конечно же, пригодится, потому что где еще он, Георгий, мог бы раздобыть такое вино?

Так вот: Георгий сидел за своим столиком и смаковал вино. И вдруг почувствовал чей-то пристальный взгляд. Именно так – почувствовал, потому что чужой взгляд ощущался

за спиной, он буквально жег Георгию затылок. Конечно, такие взгляды для Георгия дело привычное, и у него давно уже выработалось правило соответствующим образом на них реагировать. Вот и сейчас он медленно, с нарочитой ленцой поставил бокал на стол и так же медленно, с нарочитой скукой на лице глянул через плечо.

За дальним столиком в углу в одиночестве сидела женщина. Именно она и прожгла затылок Георгия взглядом – это он понял сразу же. Такое дамское поведение не было для Георгия делом необычным: многие женщины пытались завести с ним знакомство похожим способом. Поэтому Георгий отреагировал соответствующим привычным образом: с наигранным равнодушным прищуром он взглянул на женщину и отвернулся. Дескать, если тебе надо завести со мной, Георгием, знакомство, то ты взглянешь на меня и во второй, и в третий раз. А уж я решу, что мне делать с этим твоим призывным взглядом.

Георгий подождал некоторое время, но повторного взгляда на себе не ощутил. Это его удивило и даже слегка озадачило. Как, мол, так? Неужто он, Георгий, не понравился этой женщине? Неужели такое может быть? А может, женщина куда-нибудь отлучилась из-за столика?

Он повторно оглянулся. Женщина никуда не ушла, она была на месте, но, как показалось Георгию, не обращала на него никакого внимания. И по-прежнему сидела за столиком одна. На этот раз Георгий внимательнее присмотрелся к

женщине и вдруг неожиданно для самого себя ощутил, что она ему нравится. Обычно Георгий не испытывал ни особых симпатий, ни антипатий к тем женщинам, с которыми бывал знаком. Их было много, они проходили перед Георгием нескончаемой чередой, возникали в его жизни и исчезали, а коль так, то какие уж тут особенные симпатии или антипатии? Симпатии испытываешь к кому-то отдельному, а вот ко многим сразу ничего, кроме равнодушия, ощутить невозможно. Таков, наверное, закон человеческой психологии, или, может, это сам Георгий был таковым, как знать?

А вот эта женщина выбивалась из общего ряда женщин, которых он знал. Так, во всяком случае, Георгию показалось. Хотя чем именно выбивалась, было непонятно. Она была молода, у нее были светлые, красиво уложенные волосы, элегантно, насколько Георгий мог судить, платье, кажется, помада на губах... И казалось бы, что из этого? Таких или похожих женщин Георгий навиделся немало. Тогда в чем же дело? В чем, так сказать, заключалась уникальность этой женщины? Почему она вдруг Георгию понравилась? Чем таким она его зацепила, причем буквально-таки с первого взгляда? Ответа на этот вопрос у Георгия не было, и именно это его и озадачило.

Женщина между тем все так же не обращала на Георгия никакого внимания, но вдруг подняла голову, взглянула на него и неожиданно улыбнулась. Улыбнулась именно Георгию, а не кому-то другому! И опять перестала обращать на

него внимание.

Какое-то время Георгий сидел за своим столиком и ждал, что женщина подойдет к нему. Так бывало очень часто: улыбнувшись, дамы очень скоро подходили к столику Георгия и пытались завести с ним разговор. Но только не в этот раз. Георгий прождал целых пятнадцать минут, но женщина к его столику не подошла. И это озадачило его еще больше. Он еще раз оглянулся на незнакомку. Она все так же сидела за столом и, судя по всему, никуда уходить не собиралась.

И тогда Георгий решил сам подойти к женщине. Такое с ним хоть и редко, но все же случалось, когда женщина чем-то особенно его привлекала. Сейчас был как раз тот самый случай. Георгий подождал еще несколько минут, затем встал и с нарочито рассеянным видом подошел к столу, за которым сидела незнакомка. Она на него взглянула, и в этом взгляде, насколько Георгий мог определить, не было ни привычного жеманства, ни кокетства, ни той особой женской поволоки, с какой смотрят женщины, когда хотят понравиться. Это был совсем иной взгляд: спокойный, уверенный, даже слегка насмешливый и вызывающий. Георгий даже и не помнил, чтобы какая-нибудь из его знакомых женщин смотрела на него таким взглядом. А эта смотрела, и это ему понравилось. В ее взгляде была для Георгия новизна, а он был человеком пресыщенным. Кроме того, и глаза у женщины были необычными – голубыми, с ледком в них, будто это были не глаза, а две частицы какого-то неведомого холодного моря.

– Я прошу прощения за то, что прерываю ваше одиночество, – поклонился Георгий, – но...

– Садитесь, – пригласила женщина. Голос у нее был низкий, с едва заметной хрипотцой, и это Георгию также понравилось. Он любил, когда у женщин был низкий голос, он находил в этом какое-то особое очарование.

– А может, за мой стол? – спросил он. – Я, как и вы, в одиночестве...

– Но ведь именно вы подошли ко мне, а не я к вам, – сказала женщина и чуть заметно улыбнулась.

– О, к чему такие условности! – улыбнулся в ответ Георгий. – Я к вам или вы ко мне – какая разница? Хотя, не скрою, мне было бы приятнее, если бы вы приняли мое приглашение. Прошу, доставьте мне такую невинную радость! Тем более находиться в ресторане и быть при этом в одиночестве – это скучно, тоскливо и печально. Ресторан – место для общения, не так ли?

– Тогда почему вы здесь один? – спросила незнакомка.

– Ну, это вопрос отчасти философский, – сказал Георгий. – Очень может статься, что я здесь по той же самой причине, что и вы.

– Намекаете на родственность душ? – опять улыбнулась женщина.

И хотя она и улыбалась, но льдинки в ее глазах все равно не таяли. Георгий это заметил, и это ему также понравилось. В незнакомке ему нравилось все – и это для него было

необычно, захватывающе, пробуждало где-то в глубине его души какие-то непривычные ощущения. Вряд ли это была любовь с первого взгляда – Георгий понятия не имел, что это такое, да и вообще не знал, что такое любовь, и не стремился познать это чувство. Скорее всего, это была новизна, которая так часто заменяет любовь и которую многие принимают за любовь.

– Родственность душ? – лукаво прищурился Георгий. – А почему бы и нет? Почему бы двум родственным душам не встретиться именно в ресторане? Чем ресторан хуже других мест?

Незнакомка ничего не ответила и встала из-за стола. Георгий окинул ее беглым взглядом. Фигура была замечательной: все в ней было на своих местах, все соразмерно и пропорционально, а дорогое платье подчеркивало красоту фигуры.

– Прошу! – произнес мужчина и взял женщину за локоток. Она не отстранилась от Георгия и не прильнула к нему – просто отнеслась к прикосновению как к чему-то нормальному и естественному.

– Прошу садиться, – Георгий придвинул стул к столику. – Бокал вина?

– Да, пожалуйста, – сказала женщина, и, опять же, в ее тоне не было ни малейшего кокетства, жеманства или намека, столь знакомого Георгию.

Он разлил вино по бокалам. Новая знакомая бегло взгля-

нула на этикетку на бутылке.

– Оказывается, здесь подают и такие вина, – с некоторым удивлением произнесла она. – Немецкое вино...

– Да, подают, – согласился Георгий. – Разумеется, не всем, а лишь некоторым. Так сказать, особенным посетителям.

– А вы – особенный? – взглянула на него женщина.

– В некотором роде, – Георгий постарался, чтобы его улыбка получилась как можно скромнее.

– И в чем же заключается ваша особенность? – спросила новая знакомая. – Если, конечно, не секрет.

– Давайте для начала познакомимся, – предложил Георгий. – Меня зовут Георгий. А вас?

– Вероника, – назвалась женщина.

Имя было необычное и редкое. Ему больше приходилось слышать другие имена – Маша, Глаша, Клава, Зина... А тут – Вероника! Было в этом имени что-то таинственное, будоражащее и притягательное, как и в самой женщине.

– Имя-то у вас не рабоче-крестьянское, – улыбнулся Георгий.

– Ну, так я не крестьянка, – качнула головой Вероника.

– А кто же вы?

– Допрашиваете? – усмехнулась женщина.

– Что вы! – замахал руками Георгий. – Знакомлюсь! Хотя если мой вопрос показался вам неуместным, то прошу прощения.

– Ничего, – Вероника отпила глоток вина, помолчала. –

Хорошее вино... Значит, вы хотите знать, кто я?

– Очень хочу! – с жаром подтвердил Георгий. – Если, конечно, можно...

– Я – обычный бухгалтер в обычной советской строительной конторе, – ответила женщина. – Только и всего.

– Ни за что не поверю! – опять взмахнул руками Георгий. – Такая женщина – и всего лишь бухгалтер!

– А кем же, по-вашему, мне быть? – новая знакомая повела плечом.

– Королевой! Или как минимум принцессой!

– Ну, вы-то, я надеюсь, как минимум принц?

– Разумеется! Для нашей социалистической действительности принц – это очень актуально. Принцам у нас и почет, и уважение, и всяческие блага.

Георгий и Вероника разом рассмеялись. Легко было Георгию с новой знакомой, тепло и уютно. Ничего подобного в его жизни еще не случалось.

– Вы часто бываете в этом ресторане? – спросил Георгий.

– О нет! – ответила женщина. – Не с моими доходами часто ходить по ресторанам. Просто иногда я позволяю себе отвлечься. Надо же хоть как-то, хоть иногда...

– Но отвлечься можно и другими способами, – осторожно произнес Георгий. – Вот, скажем, если у вас есть близкий человек, то... – Он не договорил и выжидательно посмотрел на собеседницу – что, мол, она ответит на такой намек.

– Близкий человек... – в раздумье произнесла Верони-

ка. – Самый близкий для меня человек – это я сама.

– Ну, я же говорю, что мы родственные души! – воскликнул Георгий. – Представьте, что точно такая же ситуация и у меня.

– А вы-то сами кем работаете? – спросила новая знакомая.

– Я-то? – Георгий сделал многозначительную паузу. – Я – угольщик. Заместитель директора угольного треста.

– Вот как... – без всякого интереса произнесла Вероника.

Ее непредвиденное равнодушие задело Георгия. Он-то рассчитывал, что Вероника поведет себя как-то иначе – заинтересуется, начнет расспрашивать. Все знакомые Георгию женщины вели себя именно так, а Вероника равнодушна. Ну да, с другой-то стороны, так оно, наверное, и надо. Необыкновенная женщина должна быть необыкновенной во всем.

– Вообще-то это даже в каком-то смысле хорошо, – медленно произнес Георгий. – Ну, что вы редко бываете в ресторанах...

– Это почему же? – спокойно поинтересовалась Вероника.

– Потому что я хотел бы пригласить вас в ресторан, – пояснил Георгий. – Хоть в этот, хоть в какой-нибудь другой – как пожелаете.

– Ну, так мы вроде и сейчас в ресторане...

– Да, но я вас не приглашал, в этом-то и вся разница. Просто мы случайно познакомились... А я вас хочу пригласить. Согласитесь, это совсем другое дело. И вот я вас приглашаю. В любой ресторан города и в любое время.

Вероника ничего не ответила. Она долго молчала, ее взгляд блуждал по залу, будто выискивая кого-то из своих знакомых. Наконец она остановила взгляд на Георгии и спросила:

– А не слишком ли все просто?

– Вы о чем? – не понял Георгий.

– Я о вашем приглашении. Ведь мы практически не знакомы...

– Вот заодно и познакомимся! – пожал плечами Георгий. – Ну а что? Вполне культурный способ дальнейшего знакомства. А насчет простоты... Простота не всегда грех. Бывают случаи, когда она гораздо лучше и понятнее, чем всякие сложности.

– Вы считаете, что сейчас такой случай? – спросила Вероника.

– А почему бы и нет? Что плохого в том, что женщина нравится мужчине?

– Стало быть, я вам нравлюсь?

– Очень. Просто-таки с первого взгляда. И не сочтите это за банальность – потому что так оно и есть.

Вероника опять надолго замолчала, и ее взгляд опять стал блуждать по залу. Затем она поднялась из-за стола и сказала:

– Мне пора. Приятно было познакомиться. Отдельное спасибо за вино.

– Это ваше любимое вино?

– Нет, что вы... Первый раз в жизни пила... Но хорошее

вино от плохого отличить я могу.

Они вышли на улицу и остановились у входа в ресторан. Мягкая осенняя ночь царила в мире. Пахло осенними листьями, осенними цветами и еще чем-то.

– Вы так и не ответили на мое предложение насчет ресторана, – напомнил Георгий.

– А, ну да... – спохватилась Вероника. – Действительно... Так вы еще не оставили эту мысль?

– Ни за что! – решительно произнес Георгий. – Слово за вами!

– Что ж... Я согласна.

– Когда? – спросил Георгий.

– Ну, я не знаю... Допустим, в воскресенье...

– Ждать целых четыре дня! – в притворном ужасе воскликнул Георгий. – За что мне такое суровое наказание!

– Будем считать, что это проверка чувств, – усмехнулась Вероника. В темноте Георгий этой усмешки не увидел, он ее почувствовал.

– И чьих же чувств? – спросил он.

– Наших, – коротко ответила Вероника.

– Ну хорошо... В какой же ресторан мы пойдем?

– В какой хотите. Хотя бы в этот же. Хороший ресторан, хорошее вино...

– Договорились! – воодушевленно произнес Георгий. – Назовите адрес, и я заеду за вами на машине!

– Вот как, – опять же без всякого интереса произнесла

Вероника, и опять это ее равнодушие зацепило Георгия за душу.

– Ну а что? – пожал он плечами. – Для меня это пустяк! Так сказать, моя обыкновенная жизнь.

– Не надо машины, – сказала женщина.

– Почему?

– Зачем нам выбиваться из социалистических рядов и обращать на себя внимание? Давайте просто встретимся в воскресенье на этом же самом месте ровно в девятнадцать ноль-ноль. Вы не против?

– Ничуть.

Из ресторана вышли двое мужчин. Они прошли совсем близко от Георгия и Вероники, приостановились, взглянули на них и пошли дальше. Отчего-то они Георгию не понравились, вызвали смутную тревогу. Хотя, казалось бы, какое ему дело до этих мужчин? Ну прошли совсем рядом, ну приостановились, ну взглянули... Так и что с того? Мало ли кто выходит из ресторана? На то он и ресторан, чтобы в него входили и из него выходили. А вот поди ж ты – от них вдруг повеяло какой-то смутной, едва уловимой тревогой. И с чего бы вдруг?

– Ваши знакомые? – кивнул Георгий вслед мужчинам.

– В первый раз вижу, – равнодушно ответила Вероника. – Мне пора...

– Я вас провожу, – сказал Георгий.

– Спасибо, не надо, – мягко отстранилась женщина.

Подошел трамвай. Вероника шагнула к нему.

– Значит, в воскресенье, в девятнадцать ноль-ноль! – крикнул ей вслед Георгий. – Я вас буду ждать!

– Я буду, – сказала женщина, входя в трамвай.

Дверь трамвая закрылась, он тронулся и увез Веронику.

Глава 3

До воскресенья оставалось четыре дня. Нельзя сказать, что все это время Георгий сгорал от желания увидиться с Вероникой. Были у него и другие дела – и служебные, и личные. Но тем не менее все эти дни он то и дело вспоминал о Веронике и, главное, чувствовал и понимал, что хочет ее увидеть. Она произвела на него впечатление, она его зацепила – а вот чем именно, он понять не мог. Своей ли внешностью? Редким именем? Нетающими льдинками в голубых глазах? Подчеркнутым равнодушием к его, Георгия, красоте и служебному положению? Еще чем-то? Он не знал ответа на все эти вопросы, да, в общем, и не стремился отыскать на них ответы. Он понимал и чувствовал, что ему хочется увидеть Веронику, и это было для него главным.

Рассчитывал ли он на дальнейшие с ней отношения? О да, конечно же! С такой женщиной да не завязать роман! Это было бы досадным и непростительным упущением, о котором Георгий жалел бы долго и мучительно, потому что не было еще у него такой женщины. Были всякие, а такой – нет! Ну а как долго будет длиться этот роман и чем он закончится, о том Георгий не думал. Сейчас для него было главным, чтобы роман поскорее начался.

В воскресенье он явился в условленное место не в девятнадцать ноль-ноль, а на час раньше. Вот просто-таки помимо

собственной воли, чего с ним раньше никогда не случилось. Наоборот, на все прежние свидания Георгий предпочитал опаздывать. Пускай дамочка помается в ожидании, пускай она почувствует, кого потеряет, если он, Георгий, не явится на встречу. Но он являлся, с упоением ловил испуганную радость в глазах дамочки и с удовольствием выслушивал ее заискивающие слова: «А я уж думала, что ты не придешь, что ты обо мне забыл!» А тут – на тебе! Совсем другая ситуация! Настолько другая, что даже Георгий сам себе сейчас казался другим. Будто бы не сам он владел ситуацией, а наоборот, ситуация владела им. Это было странно, непонятно и как-то по-особенному волнующе.

...Вероника появилась ровно в девятнадцать ноль-ноль. Увидев ее, Георгий даже сделал несколько шагов ей навстречу, чего он, опять же, никогда не делал, встречаясь с другими женщинами. Вероника выглядела эффектно, еще эффектнее, чем в прошлый раз, и этой своей эффектностью она буквально-таки притягивала к себе Георгия.

– Я боялся, что вы не придете, – сказал Георгий.

– Я же обещала, – сказала Вероника, глядя прямо в глаза Георгию своими глазами с льдинками.

– Вы всегда выполняете свои обещания? – спросил Георгий.

– Стараюсь, – коротко ответила Вероника.

– Редкое качество, – похвалил Георгий. – Большинство людей как раз-таки поступают наоборот – никогда не выпол-

няют обещаний.

– Значит, я принадлежу к меньшинству, – сказала Вероника. – Вы этому рады?

– Еще как! Меньшинство – это замечательно! Это означает, что с вами никогда не будет скучно! – с воодушевлением ответил Георгий и сделал жест рукой: – Прошу проходить. Наш столик нас ожидает.

Столик действительно их ожидал – об этом Георгий позаботился заранее. Вошли, сели.

– Вот ваше любимое вино, – сказал Георгий. – То, которое вам так понравилось в прошлый раз. Немецкое...

– Я не говорила, что оно мое любимое, – возразила Вероника. – Как оно может быть моим любимым, если в прошлый раз я попробовала его впервые? Я лишь сказала, что оно мне понравилось.

– Ну, это без разницы! – бесшабашно махнул рукой Георгий и разлил вино по бокалам. – Прошу! За наше знакомство. За то, чтобы оно длилось и не кончалось. А вот – закуски. Так сказать, деликатесы...

Вероника лишь пригубила бокал с вином, а вот Георгий выпил весь бокал до дна и тут же налил себе второй. Вино теплом растеклось по телу, в голове образовался легкий приятный туман. Георгию стало легко и весело. Он смотрел на Веронику, и ему казалось, что он ее знает уже давно, что она принадлежит ему во всех смыслах этого понятия, и так будет продолжаться долго, может быть, даже всегда. «И что с

того, – думал Георгий, – что она всего лишь бухгалтер какой-то там конторы? При чем тут это?» О, он обязательно уговорит ее уволиться с ее работы и устроит ее на другую, гораздо более престижную! Он это сможет – с его-то положением и связями! Или даже так: пускай она и вовсе нигде не работает, а переселится к Георгию со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. В самом деле, для чего ей работать? Ей, такой красавице, умнице, такой необыкновенной, с такими умопомрачительными льдинками в глазах! Да-да, пускай так оно и будет! Зачем ей работать? Разве он, Георгий, не сможет обеспечить ее всем необходимым? Еще как сможет! Главное – набраться решимости и сказать ей обо всем этом. Убедить. Найти правильные слова. С такой женщиной нужно изъясняться только убедительными и правильными словами. Ах, какая женщина!

С легким самоуверенным прищуром Георгий осмотрел зал. И что-то заставило его насторожиться. Недалеко от себя, через три столика, он заметил двух мужчин. Они ему показались знакомыми. Будто бы он с ними уже где-то и когда-то встречался, и, что самое главное, эта встреча ему почему-то не понравилась... Георгий напряг память и вспомнил: да, действительно, этих двух мужчин он уже видел. Здесь же, в ресторане, в прошлый раз. Вернее, у входа в ресторан, когда он прощался с Вероникой. Тогда мужчины прошли мимо Георгия и Вероники, причем совсем близко, зыркнули на них и скрылись в темноте. Помнится, Вероника тогда сказала, что

видит этих мужчин в первый раз, да и сам он, сдается, никогда раньше их не встречал...

И вот теперь они опять здесь, в этом же ресторане. Да, но что с того? Ровным счетом ничего. Ну пришли, ну сидят за столиком... Были в прошлый раз, пришли и сейчас. Серьезные, опрятно одетые, кажется, почти не пьют. Наверно, какие-нибудь командировочные из самых верхов. Может быть, даже из самой Москвы. Сейчас в Сталине много всяких командировочных и уполномоченных. И в этом нет ничего удивительного. Страна развивается гигантскими темпами, а Сталино – крупный промышленный город. А то, что он, Георгий, видит их во второй раз, так это просто совпадение. В конце концов, он знает многих завсегдатаев этого ресторана, и так оно и должно быть, потому что он тоже здесь завсегдатай. Так почему же он насторожился при виде этих двух незнакомых мужчин? Сидят они себе, ну и бог с ними. А то, что почти не пьют, так это тоже понятно. Серьезные люди, из центра. Такие много пить не станут, такие себя блюдут... В общем, все в порядке, и беспокоиться не о чем. А все равно – смутное беспокойство Георгия не покидало.

– Куда это вы так внимательно смотрите? – спросила Вероника у Георгия, проследив за его взглядом. – А, понимаю... Увидели знакомых. Должно быть, здесь у вас много знакомых.

– Нет, не знакомых, – отвлекся Георгий. – Видите тех двух мужчин?

– Каких?

– Ну, вон тех – через три столика от нас?

– Да, вижу, – с недоумением ответила Вероника. – И что же?

– Да, в общем, ничего... Просто они были здесь и в прошлый раз, когда мы с вами познакомились. Даже прошли мимо нас, когда мы прощались у входа...

– И что же? – повторила свой вопрос Вероника и равнодушно пожала плечами.

– Не знаю... – встряхнул головой Георгий. – Но я обратил на них внимание. Не знаю даже, почему. Вдвоем они были тогда, вдвоем и сейчас...

– Так ведь и мы с вами также были вдвоем – и тогда, и сейчас, – рассмеялась женщина. – Ну, и они тоже.

– В самом деле, – рассмеялся и Георгий. – И мы вдвоем, и они тоже... Просто – они какие-то нездешние.

– Что, это так заметно? – в глазах у женщины вспыхнули льдинки.

– В общем, да... – неуверенно произнес Георгий.

– Наверно, какие-нибудь приезжие из верхов, – предположила Вероника. – Какое-нибудь большое начальство. Как же им не отличаться от нас, сирых и убогих?

– Я тоже так подумал.

– Вот видите, – Вероника опять рассмеялась. – Вот все и разъяснилось. Или, может, вы думаете, что они мои тайные знакомые? Ну-ка, сознавайтесь!

– Нет, не думаю, – вполне искренне ответил Георгий.

– Вот и правильно! – женщина дотронулась до руки Георгия. – Потому что никаких близких знакомых в этом городе у меня нет. За исключением, разумеется, вас. Я ведь приезжая.

– И откуда же?

– Мы – псковские! – женщина опять рассмеялась. – Ну да что это мы все обо мне да обо мне? Давайте лучше о вас. Расскажите мне о себе, о своей работе.

– Помнится, в прошлый раз моя работа вас совсем не интересовала, – сказал Георгий.

– Ну, так то – в прошлый раз, – Вероника вновь дотронулась до руки Георгия. – А сейчас интересуется. Должна же я хоть чуть-чуть знать, с кем меня свела судьба.

...Они сидели за столом и разговаривали. Вероника задавала вопросы, а Георгий отвечал. Чувствовалось, что Вероника абсолютно ничего не смыслит в добыче угля, шахтах, шахтерском труде и во всех иных вопросах, связанных с этой темой. Ее вопросы были зачастую наивными, почти детскими, часто – забавными и нелогичными. В чем заключаются служебные обязанности Георгия, много ли угля добывается в Донбассе и на каждой шахте, куда такая прорва добытого угля девается, будут ли завтра добывать угля больше, чем сегодня, для чего это нужно, насколько это тяжело – добывать уголь, как себя чувствуют шахтеры, довольны ли они своей зарплатой и жизнью? На все ответы Вероника реагирова-

ла с искренним интересом, была милой и непосредственной. Георгий отвечал и умилялся наивности и детской непосредственности собеседницы. Ему хотелось, чтобы ее вопросы не кончались и чтобы он отвечал на них еще и еще – подробно, обстоятельно, со знанием дела. Георгию казалось, что такими ответами он поднимает себя в глазах Вероники, что она будет восхищена его эрудированностью и значимостью, а значит, это сыграет ему на руку, потому что разве может Вероника остаться равнодушной к кавалеру с такими-то достоинствами? Вино мягко кружило Георгию голову, ему почти до невыносимости хотелось обнять Веронику прямо здесь, за ресторанным столиком. Или немедля пригласить ее к себе домой и обнять уже там с полным правом и уверенностью, и чувствовать, что она ничуть не будет против его объятий.

В самый разгар беседы мимо их столика прошли двое мужчин – тех самых. Вероника прервала свой нескончаемый поток вопросов, равнодушно проследила за ними и сказала Георгию:

– Вот видите, они уходят. Напрасно вы их опасались. Обыкновенные приезжие из Москвы. Или из Киева.

– Да я и не опасался! – беспечно махнул рукой Георгий. – Почему я должен их опасаться? Мы и сами не хуже. А может, даже и лучше.

– Вот это правильно, – одобрила Вероника. – Скажите, а вдруг – война?

– Война? – недоуменно глянул на собеседницу Георгий. –

Какая война? При чем тут война?

– Ну как же... А вдруг нападет враг и отберет все ваши шахты? Ой, я извиняюсь: конечно же, наши шахты. И что тогда?

– Врага будем бить на его территории! – рубанул рукой воздух Георгий. – Партия так и говорит. Так что беспокоиться не о чем.

– Это хорошо, что на его территории, – соглашаясь, кивнула Вероника. – Но все же, мне кажется, должен быть запасной план. На всякий случай...

– Насчет этого беспокоиться не нужно, – снисходительно улыбнулся Георгий. – Есть у нас и запасной план. Как не быть? Но только это – государственная тайна!

– О-о-о-о! – уважительно произнесла Вероника. – Государственная тайна. Я думаю, что вы при вашем положении имеете к ней самое прямое отношение. Я угадала?

– На все сто процентов! – весело ответил Георгий. – Я, знаете ли, причастен ко многим секретам. Но только это т-с-с-с! – И он полушутливо-полусерьезно приложил палец к своим губам. – И вы тоже не спрашивайте.

– Не буду, не буду! – Вероника, смеясь, шлепнула себя по губам. – Тайна должна оставаться тайной. Особенно если она государственная!

– Это точно, – подтвердил Георгий.

Они посидели еще немного, а затем Вероника начала собираться.

– Мне пора, – сказала она. – Завтра – начало трудовой недели, так что сами понимаете...

– Вам нравится ваша работа? – спросил Георгий.

– Терпеть не могу! – покачала головой Вероника. – Но куда же деваться? Приходится строить светлое будущее в бухгалтерской конторе, коль больше ни на что не способна.

– Это вы-то ни на что не способны? – Георгий даже задохнулся от нахлынувших на него чувств. – Да вы... Да я...

– Лучше помогите мне одеться и проводите меня к трамваю, – попросила женщина.

– Пожалуйста! – дурашливым тоном произнес Георгий. – Одеться-раздеться – это мы всегда... Прошу!

Вероника поднялась из-за стола и пошатнулась.

– А что такое? – все тем же дурашливым тоном спросил Георгий. – Вам нехорошо?

– Кажется, вы меня изрядно напоили вашим заморским вином, – сказала женщина и взялась за голову. – Действительно... Вам должно быть стыдно так спаивать женщину.

– Ну, уж это как получилось, – развел руками Георгий. – Тут уж угадать трудно.

– И что же мне делать? – расстроенным тоном произнесла Вероника. – Ведь мне еще ехать домой на трамвае. А это так далеко... Но то, что далеко, не так и страшно. Страшнее, что я такая...

– Не вижу никакой беды, – самодовольно ухмыльнулся Георгий. – Могу сопроводить вас до самого вашего дома. О,

конечно же, не на трамвае. На авто!

– Но вы же тоже пили вино... Как же вы меня отвезете?

– Значит, отвезут другие. Да вы не беспокойтесь, я все устрою.

– Ну, не знаю... В авто будет шофер, что он может о нас подумать?

– А пускай что хочет, то и думает. Какая разница?

– Это, может, вам нет никакой разницы, но не мне. Разъезжать пьяной на чужой машине – это, знаете ли... Будь вы женщиной, вы бы меня поняли. Господи, что же делать?

– Тогда не сочтите меня Дон Жуаном или каким-нибудь еще похожим на него персонажем и позвольте пригласить вас к себе домой. Тем более что живу я совсем рядом... А утром отправитесь к себе на работу.

– Вы понимаете, что говорите? – Вероника потерла ладонью лоб. – Еще и голова, как назло, разболелась...

– Тем более. С больной головой да на трамвае – это же невысказано. Так что – окажите мне честь.

– Нет-нет, это невозможно! – запротестовала Вероника.

– Почему же? Вас кто-нибудь ждет?

– Никто меня не ждет. Просто ехать к вам домой неприлично.

– Очень даже прилично, – возразил Георгий. – У меня целых три комнаты. Могу предоставить вам любую. Будете в полной безопасности.

– Ну, куда же деваться? – развела руками Вероника. – Ка-

жется, ничего другого не остается.

– И это прекрасно! – с наигранным воодушевлением произнес Георгий. – Прошу к выходу!

Они вышли из ресторана. Георгий поддерживал Веронику под локоть. Вероника шла и слегка пошатывалась. Выйдя на улицу, Георгий невольно осмотрелся по сторонам. Ему отчего-то почудилось, что за ним и Вероникой кто-то исподтишка наблюдает. Георгию подумалось, что он даже знает, кто именно, – те самые двое мужчин. Но как ни вглядывался Георгий в вечернюю городскую тьму, никого поблизости не обнаружил.

– Прошу, – сказал Георгий, обращаясь к Веронике. – Вот сюда, направо... Тут недалеко – всего квартал с четвертью.

Глава 4

– А вот и мое скромное жилище, – сказал Георгий, отпирая дверь. – Прошу.

Они вошли, Георгий включил свет.

– Вот это да! – произнесла Вероника, озираясь. – Богато живете! И это в наше время, когда прогрессивное человечество, так сказать, отдает все силы для борьбы с мировым империализмом. Это просто неприлично жить в такое время в роскоши!

– Так уж получилось, – разведя руками, скромно сказал Георгий. – А вы что же, живете хуже?

– У меня девичья каморка, – поморщилась Вероника. – Да и то не моя собственная, а съемная. Куда уж мне до вас.

– Ну, это безобразие! – с наигранным негодованием воскликнул Георгий. – Такая женщина – и в каморке! Вам следует жить во дворце, а не ютиться по углам.

В ответ Вероника лишь вздохнула и махнула рукой.

– Да вы проходите! – спохватился Георгий. – Вот сюда, в гостиную. Располагайтесь. Хотите кофе?

– У вас что же, и кофе есть? – с веселым удивлением спросила Вероника.

– Конечно. Причем самый настоящий, а не какая-нибудь ячменная бурда.

– Тогда несите! Сто лет не пила настоящего кофе! Уже и

вкуса не помню.

– А вот сейчас вспомните! Кстати, как ваша голова?

– Почти прошла, – ответила Вероника. – А если угостите меня кофе, то и вовсе все будет замечательно.

...Они сидели, пили кофе и разговаривали. В огромное сводчатое окно гостиной смотрела тихая сентябрьская ночь.

– Так вы говорите, что ваша работа вам не нравится? – спросил Георгий.

– Ни капельки, – Вероника сокрушенно повертела головой.

– Так поменяйте на другую.

– Вначале ее нужно найти, другую.

– Так почему же не ищите?

– Ищу, – вздохнула женщина. – Но пока не нашла. Да и что я умею, кроме как шелкать на счетах?

– Ну не скажите, – не согласился Георгий. – Мне кажется, что такая женщина, как вы, способна на многое.

– А что, это по мне заметно? – сощурилась Вероника.

– Если приглядеться, то очень даже заметно, – полушутя-полусерьезно ответил Георгий.

– О, да вы проницательный человек! – тем же тоном произнесла Вероника. – С вами опасно иметь дело. А вдруг вы меня выведете на чистую воду! И что тогда мне делать?

Они рассмеялись. Отсмеявшись, Георгий сказал:

– А хотите, я помогу найти вам новую работу?

– Это как? – удивилась Вероника.

– Да вот так. Найду. Завтра же.

– И какую же?

– Скажем, моим секретарем. А что? Прекрасная работа. Заодно будете в курсе всех наших гигантских угольных успехов и перспектив. Это вам не на счетах щелкать. Размах! Причастность к великим социалистическим свершениям!

– Но у вас, наверно, уже есть секретарь...

– Ну, уж это мои проблемы. Захочу, так и поменяю. Все зависит от меня.

– Да я, наверно, не справлюсь... Это ведь такая ответственная работа...

– Вы да не справитесь? – рассмеялся Георгий. – Еще как справитесь. Уж будьте в том уверены.

– Ну, не знаю... – задумалась Вероника. – Так неожиданно... Скажите, вы предложили серьезно?

– Вполне.

– Но зачем же вам так хлопотать обо мне?

– Хотите знать правду? – спросил Георгий, придвинувшись к Веронике почти вплотную.

– Хочу, – сказала она, даже не делая попытки отстраниться.

– Нравитесь вы мне – оттого и хлопочу! – решительно ответил Георгий.

– Это в каком же смысле?

– Во всех!

– Вам не кажется, что вы слишком торопите события?

– А зачем ждать? И чего ждать?

Вероника ничего не ответила, встала и подошла к окну. Какое-то время она молча всматривалась в заоконную темень, а затем спросила:

– И как вы мыслите практически устроить меня на работу?

– Да что тут мыслить? – Георгий пожал плечами. – Завтра же я займусь вашим трудоустройством. А послезавтра вы уже будете на новом месте – в приемной моего кабинета. Все просто.

– А вдруг меня не отпустят? – с сомнением произнесла Вероника.

– А уж это мои заботы, – махнул рукой Георгий.

– Вот вы какой... – Вероника глянула на Георгия с удивленной полуулыбкой. – Решительный...

– Такой вот, – согласился он. – И предлагаю вам быть такой же! Так что решайтесь.

– Что ж... Давайте попробуем.

– Вот и замечательно! – с воодушевлением произнес Георгий. – Тогда приступим ко второму вопросу.

– А что, есть и второй? – удивленно спросила Вероника.

– Как не быть при вашей-то красоте! Вот что: а переселяйтесь-ка вы ко мне! Ну зачем вам ютиться в вашем углу? Сами говорите, у меня апартаменты. Вот и переселяйтесь. Завтра же. Как вам такое предложение?

– И в качестве кого, позвольте узнать? – непотопляемые

льдинки в глазах Вероники засияли как-то по-особенному.

– В качестве женщины, которую я люблю, – сказал Георгий. – Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

– Вот как...

– Да, именно так. Надеюсь, что и я вам не совсем безразличен. А коль так, то для чего же ходить вокруг да около?

– Вам не кажется, что вы слишком торопите события?

– Вы об этом уже спрашивали.

– Ну, так я спрашиваю еще раз.

– Может, и тороплю, – пожал плечами Георгий. – Да только что с того? Вы молоды и красивы, и я тоже. Вы мне очень нравитесь, и надеюсь, что и я вам тоже. Так чего же нам ждать? Плюс к этому – у меня прекрасное жилье. Плюс мое положение. Зарплата. Спецпаек. Служебный автомобиль. Ваша новая работа. Кстати: если захотите, то можете и вовсе не работать. Я обеспечу нас обоих.

– Так ведь обзовут тунеядкой, если не стану работать, – улыбнулась Вероника. – И привлекут...

– А тогда работайте, – улыбнулся и Георгий. – На новой, интересной должности.

– Ну, не знаю... – в раздумье сказала женщина. – Ваше предложение так неожиданно.

– Так ведь это беда приходит ожидаемо, а счастье – оно всегда неожиданно.

– О, да вы еще и философ!

– Какой уж есть.

– Мне надо подумать, – сказала Вероника.

– Думайте, – согласился Георгий. – Впереди – целая ночь.

Кстати, ночью вдвоем думается куда как лучше...

– Нет, – покачала головой Вероника. – Пока не подумаю и не приму решение – никаких совместных размышлений.

– Что ж, придется потерпеть, – шутливо сказал Георгий и развел руками. – Куда же деваться?

– Вот и потерпите.

Ночь они провели в разных комнатах. Утром, проснувшись, Георгий первым делом вопросительно взглянул на Вернику: каковы, дескать, результаты ее ночных раздумий?

– Да, – коротко ответила женщина.

– Что, только одно «да»? – многозначительным тоном поинтересовался Георгий.

– Да и еще раз да, – уточнила Вероника.

– Вот и прекрасно! – обрадовался Георгий. – Значит, так. Сейчас позавтракаем, затем я вызову служебную машину, и мы поедем в вашу контору – увольнять вас. Думаю, много времени это не займет. Далее поедем в вашу каморку за вашими вещичками – и прямым ходом ко мне. А уж завтра – на новую работу. Как вам мой план?

– Что ж, коль вы так решили...

– Мы так решили, – поправил Георгий. – А потому самая пора нам перейти на «ты».

– Что ж, давай на «ты», – согласилась женщина.

Увольнение Вероники с прежней работы и впрямь не за-

няло много времени – сработал авторитет Георгия. Он зашел в начальничий кабинет, вскоре вышел оттуда с победным видом и сделал Веронике знак рукой: все, мол, в порядке, собирай вещички, прощайся с прежними коллегами, и – на новое место работы, к новым горизонтам и к новой жизни, которая, без сомнения, будет куда лучше прежней.

Переезд также много времени не занял, и ближе к полудню Вероника вселилась в квартиру Георгия.

– Ты здесь хозяйничай, а я поеду руководить, – сказал Георгий Веронике. – А вечером, когда вернусь, мы с тобой отметим твои изменения в жизни!

Вот так оно все и случилось. На следующий день после переезда Вероника вышла на работу и приступила к своим новым обязанностям. Каких-то особых затруднений она не испытывала, все схватывала на лету, все у нее выходило складно, ладно и ловко. Она быстро и споро распечатывала на машинке всяческую документацию, грамотно и умно отвечала на многочисленные звонки, присутствовала на служебных совещаниях, быстро вошла в курс дела и стала разбираться во всех тонкостях и нюансах всего, что так или иначе было связано с угледобычей. Георгий просто диву давался, глядя на такую неслыханную расторопность своего нового секретаря и сожительницы по совместительству.

– Да ты просто рождена для этой должности! – восклицал он. – А говорила, что не справишься.

В ответ Вероника лишь улыбалась и разводила руками:

что, мол, поделаешь, коль я такая сообразительная.

Доволен был Георгий и Вероникой как сожительницей. Причем настолько, что даже перестал помышлять об интиме с другими женщинами. Вначале он даже удивлялся такой перемене в своем характере, но скоро с нею свыкся и даже стал находить в новом для себя образе жизни всяческие неожиданные плюсы. Например, ему больше не хотелось каждый вечер ходить в рестораны, да и на других женщин он почти перестал обращать внимание, а следовательно, из его жизни исчезли такие утомительные и двусмысленные неприятности, как постоянные расставания с дамами, ссоры с ними, объяснения в партийных кабинетах.

Примерно через две недели после начала сожительства с Вероникой Георгий даже предложил ей зарегистрировать отношения официальным образом. Но, к его удивлению, молодая женщина не захотела.

– Но почему? – не мог понять Георгий.

– А куда нам торопиться? – пожала плечами Вероника. – Давай поживем так, как есть. Присмотримся друг к другу, привыкнем... А потом подумаем и о регистрации. Не бойся, я от тебя никуда не денусь. Если ты сам меня не прогонишь, – она лукаво улыбнулась.

– Конечно, можно и не оформлять официально отношения, – согласился Георгий. – Ну а вдруг в верхах о нас узнают? Вот, скажут, живет без регистрации... И припаяют мне аморалку. Что тогда?

– А мы никому ничего не скажем. Зачем нам кричать о нашем сожителстве на всех углах? Мы будем жить тихонько. Я буду твоей тайной. А ты – моей. Так даже интереснее.

– Да, ну а вдруг все же кто-нибудь прознает про нашу тайну?

– А тогда ты скажешь, что сдаешь мне угол. Всего лишь угол – и ничего больше. И – никакой тебе аморалки. Умные люди найдут выход из любой ситуации. А мы же с тобой люди умные, не так ли?

– Что ж... – сказал Георгий, и на том их разговор закончился.

Глава 5

Между тем жизнь шла своим чередом, и она была очень тревожной. Все более ощущалось приближение войны. А где тревога, там и всяческие хлопоты. Конечно, на словах все друг друга уверяли, что никакой войны в обозримом будущем не случится. Какая война, с кем? Как-никак, у Советского Союза с Германией пакт о взаимном ненападении. Да и кроме того, наша армия сильна и зорко охраняет свои рубежи. Так что повода для беспокойства нет, все вредные и панические разговоры побоку, продолжаем строить светлое социалистическое будущее.

Но помимо разговоров были еще и дела. И они отличались от пересудов, заверений и успокоений. На деле страна готовилась к войне. Это касалось всех сторон жизни, в том числе и добычи угля. Угля, может быть, даже больше, чем чего бы то ни было. Как-никак уголь был «хлебом промышленности», то есть от него напрямую зависела выплавка стали, из которой делали оружие. И если не будет угля, то не будет и стали, а не будет стали – не будет оружия. И чем тогда отражать нападение врага?

Стало быть, угледобычу следовало наращивать ударными темпами. Это был первый пункт государственного плана. Был и второй пункт – секретный. Конечно, врага на свою территорию мы не допустим, но если так случится, что враг

все же захватит наши земли, а стало быть, и наши шахты, то нужно сделать так, чтобы вместо шахт ему достались одни развалины. То есть перед нашим отходом и соответственно приходом врага шахты нужно уничтожить. Взорвать или затопить, чтобы враг не смог добыть из них ни грамма угля для своей промышленности.

Во исполнение этого плана за каждым руководящим работником Донбасса были закреплены по нескольку шахт. То есть этот руководитель отвечал за подготовку шахт к их уничтожению. План, следует повториться, был секретным. Поэтому никто из ответственных под страхом суда не смел говорить никому, какие именно шахты за ним закреплены. Об этом должны были знать лишь несколько лиц из вышестоящего начальства, сам ответственный да, пожалуй, еще его секретарь. Секретарь – потому что ей приходилось писать отчеты о том, как идет подготовка к возможной ликвидации шахт, какие при этом возникают проблемы и вопросы. Конечно, и она также обязана была хранить эту тайну под страхом все того же суда.

За Георгием Миловидовым были закреплены пять шахт – все неподалеку от Сталино. Он часто бывал на этих шахтах, что-то с кем-то согласовывал, уточнял и возвращался домой лишь поздно вечером усталый, но довольный.

– Ну и как? – осторожно интересовалась Вероника. – Все в порядке?

– В общем, да, – отвечал Георгий. – Остаются, конечно,

кое-какие недоработки, но в целом уничтожить шахты можно хоть завтра.

– Думаешь, что до этого дойдет? – все так же осторожно спрашивала Вероника.

– Откуда мне знать? – пожимал плечами Георгий. – Кто мне докладывает? Мне приказано выполнять – я выполняю. А дойдет или не дойдет – это нужно спрашивать у них, – он указывал пальцем куда-то вверх. – Да и они, я думаю, толком не знают. Потому что говорят одно, а велют делать совсем другое. Никакой войны не будет, но шахты должны быть готовы взлететь на воздух в любой момент... А ты-то сама как думаешь – будет война?

– Уж коль ты этого не знаешь, то как могу знать я? – отвечала Вероника. – Я всего лишь твой секретарь. И потом, я – женщина. Война не женское дело.

В один из дней Георгий велел Веронике напечатать несколько листов текста, в котором речь шла о полной готовности пяти шахт к ликвидации. К тексту прилагались чертежи и схемы, которые Вероника также должна была привести в соответствие.

– Дело срочное, – сказал Георгий. – И секретное, учти! Никому ни слова, ни намека. И уж тем более никому ничего не показывать! Когда напечатаешь, вернешь мне бумаги вместе с черновиками. Велено отдать их туда, – он указал рукой куда-то в сторону. – А там пускай разбираются. Я свое дело сделал.

– То есть шахты полностью готовы к уничтожению? – спросила Вероника.

– Ну да, – кивнул Георгий. – Я об этом и толкую.

– Просто-таки все-все шахты во всем Донбассе? – с нотками ужаса в голосе спросила Вероника.

– Насчет всех-всех я не знаю, – сказал Георгий. – Мне поручены пять шахт. Но думаю, что и со всеми другими шахтами такая же ситуация. Ну да нас с тобой это не касается. Наше дело – пять шахт. А со всеми остальными разберутся и без нас.

– Конечно, – согласилась Вероника и тут же принялась за работу.

Справилась она с заданием в тот же день, ближе к вечеру.

– Вот, – сказала она Георгию, – я все сделала. Это напечатанные листы и схемы, а вот черновики. Все на месте.

– Ладно, – буркнул Георгий и стал звонить кому-то по телефону.

Через каких-то полчаса в приемную, где сидела Вероника, вошли четверо мрачных мужчин в штатском и, ни слова не говоря, направились в кабинет Георгия. Вскоре они оттуда вышли и все так же молча покинули приемную.

– Ты там жив? – окликнула Георгия Вероника.

– Живой, – облегченно отозвался Георгий. – Ну, все. Отдал я документацию этим серьезным товарищам. Как гора с плеч! Пусть решают – на то они и НКВД. А ты молчи, поняла? А то они и за нами придут, эти серьезные товарищи.

Видала, какие у них рожи?

– О да! – серьезно ответила Вероника. – Ужас! Не дай бог иметь с ними дело!

– Вот то-то и оно...

Глава 6

Закончился тысяча девятьсот сороковой год, минула зима года тысяча девятьсот сорок первого, а за нею и весна. Наступил июнь. Георгий и Вероника все так же жили вместе и все так же без всякого официального статуса. Они были сожителями, любовниками и больше не заговаривали об официальной регистрации брака.

Сам Георгий часто задерживался на работе, нередко – уезжал в командировки в соседствующие со Сталино города, где пропадал, бывало, по нескольку дней. Вероника же обычно прямо с работы шла домой. Иногда она по пути заходила в магазин или на местный рынок. Еще реже в одиночестве гуляла по городу.

Однажды на этой почве между Георгием и Вероникой произошла размолвка. Вернувшись домой вечером, Георгий не обнаружил молодую женщину дома и очень удивился по этому поводу. Где же она? Никогда ранее она себе такого не позволяла. Удивление скоро переросло в раздражение, а когда на часах пробило десять, то и в испуг. Уж не случилась ли с нею какая неприятность? Ведь вот уже и ночь на подходе! Куда бежать, где ее искать, что думать и предполагать?

Прождав еще полчаса и не дождавшись Веронику, Георгий вышел на улицу. Уже совсем стемнело, горели фонари. И в свете фонарей Георгий увидел ее. Он не сразу узнал

свою сожительницу: было далековато да и темно. Вначале ему показалось, что это торопится домой какая-то чужая припозднившаяся женщина. Тем более что она была не одна, а в сопровождении какого-то мужчины. Вероника и с посторонним мужчиной? Она что же, поменяла его на кого-то другого? Такого Георгий и представить себе не мог! Но это была именно она, Вероника. А рядом с нею шел мужчина! Недобро усмехнувшись, Георгий пошел им навстречу. Когда расстояние сократилось до такого предела, что можно было узнать друг друга даже при свете тусклых фонарей, мужчина резко отступил в тень и пропал из виду. Вероника же как ни в чем не бывало продолжала идти навстречу Георгию.

– Это ты, – сказала она, поравнявшись с Георгием. – Никак ищешь меня? Прости, я задержалась. Загулялась, задумалась... Не сердись.

– И как это понимать? – все с той же усмешкой спросил Георгий.

– Ты о чем? Я же говорю: гуляла, задумалась, перестала следить за временем... Виновата. Но я так устала за день. Сам ведь знаешь, какая у нас на работе нервотрепка в последнее время.

– А мужчина? – спросил Георгий.

– Какой мужчина? – Вероника удивленно вскинула брови.

– Который был с тобой и скрылся, как только увидел меня.

– Ах, этот... Обычный уличный приставала. Гражданочка, куда вы так торопитесь, а не позволите ли вас прово-

дить... Ну и тому подобное... Я иду и не слушаю его, а он плетется следом...

– Неужели? – ядовитым тоном спросил Георгий.

– У тебя что же, есть другая версия? – в глазах Вероники сверкнули льдинки, их было видно даже в тусклом свете фонарей. – И какая же?

– Сама знаешь, – не слишком уверенно сказал Георгий.

– Ах, это! – рассмеялась Вероника. – Товарищ угольный начальник, вы не умеете логически мыслить. Рассуди сам: если он – мой кавалер, то для чего бы я его тащила с собой почти к самому дому? Чтобы он попался тебе на глаза? Говорю же – приставала. Докука всех красивых женщин. Ведь я же у тебя красивая, не так ли?

Такое объяснение показалось Георгию убедительным, и он постепенно успокоился. Тем более что он собирался обсудить с Вероникой одну новость. В начале июля Георгий хотел взять отпуск и съездить в Крым или на Кавказское побережье – разумеется, вместе с Вероникой. Конечно, ситуация на работе в последнее время была сумбурной, нервной, ходили всяческие слухи, в том числе и о том, что в этом году запретят отпуска, но Георгий надеялся выхлопотать у начальства отпуск – себе и Веронике. Работа работой, но ведь и отдыхать тоже надо!

– Нет, я не поеду! – сказала она, когда Георгий сообщил ей о своем намерении. – Ни в Крым, ни на Кавказ – никуда. И тебе не рекомендую.

– Почему? – ошарашенно спросил Георгий. Он явно не ожидал от Вероники такого ответа.

– Не хочу, – сказала она, взглянула на удивленного Георгия и добавила: – Да и не получится у нас... Время-то какое...

– Какое – такое? – с раздражением спросил Георгий. – Время как время. Обыкновенное.

– Ну не скажи. Всякие слухи, пересуды... Говорят, что скоро начнется война.

– Слухи, пересуды, война! – Георгий раздражался все больше. – Больше верь всяким провокаторам! Они и в прошлом году об этом говорили, и в позапрошлом. И где же она, твоя война?

Вероника ничего не ответила, лишь дернула плечом и не пожелала больше говорить на эту тему. Впрочем, вскоре тема иссякла сама собой. Начальство Георгия лишь замахало руками, когда он заикнулся насчет отпуска.

– Какой отпуск, товарищ Миловидов? – вытаращило глаза начальство. – Никаких отпусков! На этот счет есть специальный указ из самой Москвы! До особого распоряжения все должны оставаться на рабочих местах! Так что идите и работайте!

«А ведь Вероника оказалась права! – подумал Георгий, выходя из начальничьего кабинета. – Какой уж тут отпуск... Ох, прозорливая женщина моя Вероника! Понимает политический момент!»

Так прошла половина месяца, а затем наступило 22 июня. Георгий и Вероника еще спали, когда их разбудил телефонный звонок. И Георгию, и Веронике велено было немедленно прибыть на рабочее место.

– А что случилось? – спросил Георгий полусонным голосом.

– Война случилась! – коротко сообщил голос в трубке и дал отбой.

Какое-то время Георгий сидел на кровати, приходя в себя. Он силился постичь суть того, что сказал ему голос в трубке.

– Что такое? – спросила Вероника.

– Велено срочно бежать на работу, – ответил Георгий, ту-по глядя в стену. – И мне, и тебе. Сказали, что началась война... Какая война? С кем? Зачем?

Он хотел сказать еще что-то, но глянул на Веронику и осекся. Его непроизвольно поразил взгляд Вероники. В нем не было ни страха, ни смятения, ни вопроса, а были лишь холодные, застывшие льдинки. Георгий всегда любил эти льдинки в ее глазах, а сейчас вдруг почувствовал, что он их боится. Уж слишком они были отчетливы, а сама Вероника – слишком спокойна. Никакого женского смятения, никаких вскриков и охов, никаких вопросов и уточнений – один лишь лед в глазах.

– Ну, что зря сидеть и смотреть друг на друга? – сказала молодая женщина. – Пошли, коль зовут.

Глава 7

С началом войны работы прибавилось у всех, в том числе и у Георгия с Вероникой. Нужно было делать множество дел. Стране как никогда требовался уголь: для выплавки стали, для паровозов, едущих в сторону фронта и в обратном направлении, для прочих нужд. В то же время необходимо было готовиться к эвакуации и уничтожению шахт: враг стремительно наступал, и по всему выходило, что Донбасс скоро будет захвачен. Вдобавок на шахтах стало катастрофически не хватать рабочих рук: многие ушли на фронт, и ушедших надо было кем-то заменить, причем срочно. Было множество и других дел, таких же срочных, противоречивых и зачастую почти невыполнимых.

Георгию, как специалисту, дали бронь, а потому отправка на фронт ему не грозила. Как и прочие специалисты, он пропадал на работе днями и ночами, осунулся, утратил свой лоск и самоуверенность, стал мрачен и малоразговорчив. Вероника работала с ним и не меньше его, но вот что поразительно – она по-прежнему выглядела такой же, как и до войны. Она была спокойна и уверена в себе, все так же со вкусом одевалась, четко и быстро, словно автомат, выполняла секретарские обязанности... Правда, льдинки в ее глазах теперь присутствовали постоянно, и Георгий их порою замечал и удивлялся такой перемене в своей любимой женщине,

но очень скоро об этом забывал.

В последнее время он вообще стал думать о Веронике гораздо реже, а все чаще – о себе. Как сложится его судьба в дальнейшем? Куда ему деваться, если Сталино и весь Донбасс будут захвачены? Этот страх, вероятно, заметила Вероника, и однажды она спросила Георгия:

– Боишься?

– Чего мне бояться? – попытался увильнуть от разговора Георгий.

– Вижу, боишься... – усмехнулась Вероника. – Наверно, думаешь: куда мне, бедному, деваться, если город будет захвачен? Ведь так?

– А ты, значит, ничего не боишься? – скривился Георгий.

– Речь сейчас не обо мне, а о тебе, – сказала Вероника.

– А что, мой страх так заметен? – Георгий попытался беспечно улыбнуться.

– Заметен, – сказала женщина. – И коль его вижу я, то его увидят и другие. А время сейчас военное...

– И что же?

– А то, что трусов война не любит. Она от них избавляется. Ты понимаешь, о чем я?

– Я не боюсь, – сказал Георгий. – Я стараюсь быть благоумным. Я думаю о своей жизни. И о твоей, между прочим, тоже.

– Это правильно, – одобрила Вероника. – Сейчас самая пора об этом подумать. Завтра может быть поздно.

– Ты это о чем? – Георгий взглянул на свою любимую с недоумением. – У тебя есть какие-то предложения?

– Может быть, и есть, – уклончиво ответила Вероника. – Если, конечно, ты готов их выслушать...

– Тогда говори.

– Потом, – коротко сказала молодая женщина.

– А почему не сейчас?

Вероника на это ничего не ответила, лишь усмехнулась. Усмехалась она одними губами, лицо у нее оставалось бесстрастным, а в глазах стлы зелено-голубые льдинки. Такую улыбку своей любимой женщины в последнее время Георгий замечал все чаще.

Честно сказать, он почти ничего не уразумел из этого разговора, и, вероятно, разговор имел бы продолжение, если бы не одно обстоятельство. Однажды Георгия вызвали в высокий начальничий кабинет и сообщили, что он должен быть готов к эвакуации.

– К какой эвакуации? – не понял Георгий.

– Как специалист-угольщик, имеющий бронь, вы должны будете отбыть в Кузбасс, – сообщили ему. – Будете организовывать добычу угля там. Надеемся, вы понимаете важность возложенной на вас задачи? Стране нужен уголь, а Донбасс, похоже, придется оставить.

– Понимаю, – охрипшим голосом произнес Георгий.

– Вот и замечательно. Идите и готовьтесь. Распоряжение может поступить в любое время. Вы хотели что-то спросить?

– Да... А как же другие специалисты? Они тоже поедут?

– Самые квалифицированные – безусловно, – подтвердило начальство.

– А подсобный аппарат?

– Какой еще подсобный аппарат? – нетерпеливо спросило начальство.

– Ну, секретари, бухгалтеры и так далее...

– Секретарей и бухгалтеров хватит и на местах, – пояснило начальство. – Тут бы специалистов успеть вывезти.

– А как же шахты? – спросил Георгий.

– А что шахты? – не понял начальство.

– Которые я подготовил к возможной ликвидации, – пояснил Георгий.

– Ну, вы же их подготовили, не так ли?

– Разумеется.

– Вот и замечательно. Ступайте и готовьтесь к отъезду. А все остальное сделают и без вас.

Из начальничьего кабинета Георгий вышел со смешанными чувствами. С одной стороны, его обрадовало известие о скором отъезде в Кузбасс. Кузбасс – это не Донбасс, он от войны далеко, да и дойдет ли туда когда-нибудь война? С другой же стороны, скорая и неизбежная эвакуация Георгия опечалила. А как же Вероника? Что же, им придется расстаться? О том, чтобы забрать ее с собой, не могло быть и речи. Как ее заберешь, на чем увезешь в такие дали? Увезти Веронику наудачу? Но ведь, наверное, в том поезде, который

отправится в Кузбасс, все места считаны, да и проверка в них строгая. А это означает, что Веронику просто не пустят в поезд, а то еще и арестуют как трудового дезертира. Значит, придется расставаться... Да, но что с нею станется, когда в Сталино войдут немцы?

Все эти новости и все результаты своих невеселых размышлений Георгий выложил Веронике прямо на рабочем месте, улучив удобную минуту. Была середина октября, враг был уже совсем близко от города, на западе не умолкала глухая канонада. Еще день-второй, и...

– Вот и поезжай, – спокойно ответила Вероника. – Тем более что и выбора-то у тебя никакого нет. А за меня не беспокойся.

– Но как же так – не беспокойся?.. – начал было Георгий, но молодая женщина его прервала взмахом руки.

– Сейчас у меня много работы, – сказала она. – Вот, уничтожаю служебную документацию... А вечером – поговорим.

Вечером Георгий явился домой поздно. Он хотел прийти как можно раньше – разговор с Вероникой предстоял очень серьезный. Но неожиданно его вызвали на заседание. Совещаний в последнее время бывало много – иногда по несколько на день, причем на разные темы. Неразбериха творилась изрядная, и чем сильнее слышалась канонада на западе, тем неразберихи и хаоса было больше.

Но в этот раз тема совещания была неожиданной и по-

особенному тревожной. Руководство угрюмо сообщило, что в отдельные места пока еще советского Донбасса высадились вражеские десантные группы и взяли под контроль некоторые шахты – причем именно те, которые подлежали ликвидации. Из чего следовало, что теперь эти шахты невозможно будет уничтожить, а значит, все они достанутся немцам. Сколько именно немцы захватили шахт, доподлинно неизвестно, так как невозможно дозвониться до мест, но названия некоторых захваченных шахт все же известны. И среди них – все те пять шахт, подготовкой к ликвидации которых занимался Георгий Миловидов. Вот так – не больше и не меньше.

– Возможно, это чистая случайность, – сказала начальство, недобро глядя на Георгия. – А может быть, и вражеский умысел. Здесь, конечно, нужно разбираться. Если успеем...

С совещания Георгий вышел с тяжелым сердцем. Он размышлял о том, как так могло случиться, что на все те шахты, которые он готовил к ликвидации, был высажен вражеский десант. Именно на них, а не на какие-то другие! Вряд ли это совпадение – самого себя обманывать не стоит. Скорее всего, информация о том, что эти пять шахт собираются ликвидировать, каким-то образом стала известна врагу – ведь захвачены были именно эти шахты, а не какие-то другие! Да, но каким таким непостижимым образом немцы узнали об этих шахтах? А вот каким: им кто-то об этом сообщил. Но кто? Сам Георгий никому ничего не сообщал. Вероника, которая

работала с черновиками и печатала на машинке документы? Об этом Георгий даже думать не хотел. Да и каким образом она могла это сделать, даже если бы захотела? Те четверо мрачных молчаливых товарищей, которые забирали готовые документы? Может, так. А может, и нет. Поди теперь разберись – при такой-то суматохе.

Но даже не это было самым главным. Главным было то, что если начнут разбираться, как немцы узнали о приготовленных к ликвидации шахтах, то начнут именно с Георгия. А может, им же и закончат, прихватив за компанию еще и Веронику. И ведь не докажешь, что ты ни в чем не виновен! Кто тебя станет слушать, когда враг на подходе? Вытащат наган из кобуры и пустят пулю в лоб как вражескому пособнику.

Да, но что же делать? Как уберечь от опасности себя и заодно Веронику? Кому и какими словами объяснить свою непричастность к скверной истории с шахтами? С такими-то мыслями Георгий и вошел к себе в квартиру... и в изумлении застыл у порога. Вероника была дома, но находилась не одна. В квартире были гости – двое мужчин. Увидев вошедшего Георгия, они шевельнулись, привстали со стульев и сели вновь, ничего Георгию не сказав и даже с ним не поздоровавшись. Хозяин квартиры с молчаливым недоумением взглянул на Веронику: что, мол, это за вечерние гости, откуда они и зачем? И тут же его охватил страх. Ему вдруг подумалось, что эти молчаливые мужчины из НКВД. И явились они к нему, Георгию, чтобы арестовать его. Да-да, арестовать

– за те самые пять шахт, на которые высадили немецкий десант. А заодно, наверное, арестовать и Веронику. Но отчего тогда Вероника так спокойна? Вот она даже приветливо улыбается Георгию... Да и сами мужчины ведут себя как-то не так, как полагалось бы, будь они из НКВД. Если они из этой организации, то отчего так бесстрастны и спокойны? Почему они, увидев Георгия, не кинулись на него, не заломили руки, не повалили на пол? Ведь, кажется, именно так и должны арестовывать врагов народа? В общем, непонятно...

– Проходи, – спокойно произнесла Вероника. – Я сейчас объясню, в чем дело.

Георгий прошел мимо молчаливых мужчин и, проходя, недоверчиво на них покосился. Ему вдруг показалось, что он их знает. Да-да, знает! Вернее сказать, знает не лично, а, так сказать, опосредованно. Иначе говоря, где-то и когда-то он их уже видел. Ну да, конечно же! Он видел их в том самом ресторане, где когда-то познакомился с Вероникой. Кажется, он видел их дважды. В первый раз он прощался с Вероникой у входа в ресторан, и эти двое прошли мимо них, остановив на миг на нем и Веронике внимательные взгляды. Во второй раз он обратил на них внимание в том же самом ресторане, куда он пригласил Веронику. Помнится, они молчаливо сидели за столиком неподалеку, а затем так же молча поднялись и ушли... Точно, это они! Георгий их вспомнил! А почему он их вспомнил? Да потому что и в первый, и во второй раз он обратил на них внимание, и это внимание

было каким-то необычным – смутным и отчего-то подспудно тревожащим. Он почему-то насторожился при виде этих двух мужчин, оттого он их и запомнил. И вот – он увидел их вновь. В своей собственной квартире, рядом с Вероникой.

– Узнал? – неожиданно спросил один из мужчин. – Что ж, тем лучше.

– Что здесь происходит? – раздраженно спросил Георгий у Вероники. – Кто эти люди? Что им нужно?

– Успокойся, – бесстрастно ответила она. – Пройди, сядь. Поговорим...

Георгий злобно хмыкнул и опустился в кресло.

– Значит, немецкий десант захватил наши пять шахт? – спросила Вероника, в упор глядя на Георгия. – Какая неожиданность! Ай-ай... Теперь-то их точно не взорвать и не затопить. Так и достанутся врагу – целыми и невредимыми. Все пять шахт, которые ты так старательно готовил к уничтожению! А я тебе помогала... Кто бы мог подумать?

– Откуда ты знаешь про десант? – уставился на Веронику Георгий.

– А ты догадайся, милый, – с притворной ласковостью произнесла Вероника. – Ну же, напряги фантазию!

Георгий ответил не сразу. Ничего не говоря, он долго смотрел на Веронику, затем – на двух мужчин, затем – опять на Веронику...

– Ты, что ли? – вымолвил наконец он.

– Мы, – ответила Вероника и указала на двух мужчин. –

Я и они.

– Но...

– Ты что-то хотел сказать? Говори, мы тебя слушаем.

– Мы тебя очень внимательно слушаем, – произнес один из мужчин. – Затем мы сюда и пришли, чтобы тебя выслушать.

– Но зачем? – не мог взять в толк Георгий. – Вероника...

– Я не Вероника, – перебила молодая женщина. – Меня зовут иначе. Вероника – это мой псевдоним.

– Но кто же ты тогда? – Георгий все никак не мог прийти в себя.

– А ты догадайся, – повторила Вероника. – Это нетрудно...

– Боюсь, что ему придется объяснять дополнительно и подробнее, – сказал один из мужчин.

– Зачем же? – не согласилась женщина. – Он мальчик сообразительный. Уж я-то знаю... Ну что же ты, Миловидов Георгий? Давай, соображай...

Георгий чувствовал, как по его лицу струится пот. Его сердце колотилось какими-то неверными, рваными толчками. Он понимал, что влип в очень скверную, может быть, даже смертельно опасную для него историю. Именно так – смертельно опасную. Если он сейчас же, немедленно не найдет из нее выхода – он пропал. Эти двое молчаливых мужчин его и прикончат. Здесь же, в его собственной квартире.

И он принялся лихорадочно думать. Значит, так. Его со-

жительница и любовница Вероника, с которой он так долго жил под общей крышей, делил постель, устроил ее на престижную работу, к которой он привык и даже, возможно, любил, – совсем не Вероника. Но кто же она тогда? Ответ напрашивался сам собой: она немецкая шпионка. Да-да, именно так. И это она передала немцам данные о готовящихся к уничтожению шахтах. Передала все, что ей было известно: и названия шахт, и схемы минирования, и сроки уничтожения... Добыть такие сведения было совсем просто – их, по сути, отдал ей в руки сам Георгий. Вот, сказал, перепечатай, приведи в нормальный вид да побыстрее... Другой вопрос – как она передала немцам эту информацию? Впрочем, и тут ответ также был прост. Допустим, через этих двух мужчин. Или еще через кого-то. Похоже, в Сталине обосновалась целая группа немецких шпионов. И Вероника, или как там ее зовут на самом деле, одна из них.

Выводы из происходящего напрашивались хуже некуда. Георгий ощутил себя загнанным в ловушку, из которой не просматривалось выхода. Даже если, предположим, ему каким-то чудом удалось бы сейчас сбежать от женщины и этих двух мужчин, то что ему делать дальше? Звать кого-то на помощь? Кого? Может, бежать в НКВД? Ну, так там его и припекут. Ведь это именно он передал секретные сведения вражеской разведке! Вольно или невольно, но передал! И получается, что он, Георгий Миловидов, пособник немецких шпионов! Враг народа! А что делают в НКВД с врагами на-

рода, особенно в военное время? Вот то-то и оно... Тем более вон как подозрительно и мрачно смотрело на него начальство на недавнем совещании! Даже обещало разобраться. Отчего, мол, именно на твои шахты высадился вражеский десант? А, товарищ Миловидов?.. Нет уж, НКВД сейчас ему не помощник.

Да и потом: попробуй-ка убеги от этих двух мужчин! У них, должно быть, и оружие при себе имеется. Как не быть! Тут, как говорится, только дернись. Достаточно будет одного неправильного движения... Так что же ему делать? Как себя вести? Что говорить? Ох и впутался же он в историю! И никакого из нее не просматривается выхода...

– А их-то, – Георгий кивнул на мужчин, – зачем ты пригласила? Могли бы поговорить с глазу на глаз...

– А вдруг ты до такой степени испугаешься, что решишь выкинуть какой-нибудь фортель? – сказала женщина. – Например, захочешь меня задушить. Или выброситься из окна? Мало ли... Вот я их и позвала. Так сказать, для страховки. Ну и вообще, для большей убедительности, чтобы ты как следует впечатлился...

– Выброситься из окна... – вымученно улыбнулся Георгий. – Вам что же, так дорога моя жизнь?

– А почему бы и нет? – улыбнулась женщина. – Ты нам можешь пригодиться. Если, конечно, мы договоримся и пойдем друг друга.

– А если не договоримся и не пойдем? – мрачно поинте-

ресовался Георгий.

– Тогда, конечно, мы тебя ликвидируем, – спокойно ответила женщина. – Посуди сам: ты теперь знаешь о том, кто я, знаешь этих двух, знаешь также, что в городе существует немецкая разведгруппа... Видишь, как много ты знаешь? Теперь ты для нас – опасный свидетель. Конечно, завтра или послезавтра вы из этого города уйдете, ну так что же из того? Наши интересы простираются куда шире одного города! Так зачем же нам оставлять тебя в живых?

Все, что сказала женщина, было настолько логично и убедительно и не оставляло никакого выхода для Георгия, что он долго не находил, что ему сказать.

– Что вы от меня хотите? – наконец спросил он.

– Вот это уже похоже на начало делового разговора! – улыбнулась женщина и взглянула на одного из мужчин. – А ты, Вилли, говорил, что ему придется втолковывать дополнительно. Я же говорила – не придется. Он мальчик понятливый. И к тому же он прекрасно понимает, что жизнь дается лишь единожды, и потому рисковать таким драгоценным даром глупо. Другого-то раза не будет!

– А как же – жизнь за Родину? – мрачно спросил Георгий.

– У вас, русских, есть замечательная пословица. Что-то вроде этой: где человеку хорошо, там у него и родина. Очень мудрые слова, надо сказать. Вилли, тебе нравится эта русская пословица?

Мужчина ничего не ответил и лишь оскалил зубы в

усмешке.

– Вот видишь, – сказала женщина, обращаясь к Георгию. – Вилли тоже нравится. А он – человек избирательный и суровый. Ему вообще мало что нравится... Ну да отставим в сторону вашу народную мудрость, а также ваши идеологические лозунги. Поговорим серьезно и по существу.

Женщина прошла по комнате, посмотрела в темное ночное окно, прислушалась. За окном то и дело раздавались залпы. Их было слышно отчетливо, они были совсем близко.

– Завтра или послезавтра город будет сдан, – сказала она, обращаясь к Георгию. – Я это к тому, что другого похожего разговора у нас не будет. Не будет вообще никакого разговора. Ты меня понимаешь?

– Да, – Георгий сглотнул слюну. – Понимаю...

– Вот и прекрасно, – женщина еще раз прошла по комнате и уселась напротив Георгия. – Итак, я хочу сказать тебе еще кое-что, чтобы избавить тебя от возможных глупых иллюзий. И вселить в тебя определенную надежду. Сейчас, конечно, ты понимаешь, что наша первая встреча в ресторане была не случайной...

– Я уже догадался, – скривился в усмешке Георгий.

– Замечательно. Прежде чем выйти с тобой на контакт, мы долго к тебе присматривались. Собирали сведения, изучали привычки, искали слабые места...

– Зачем? – спросил Георгий.

– Глупый вопрос. Разумеется, чтобы тебя завербовать.

Нам нужен был свой человек в вашей угольной промышленности. Источник информации...

– И вы решили, что им буду я... – угрюмо произнес Георгий.

– Да, мы так решили. А почему бы и нет? Ты очень хороший источник получения сведений. Молодой, занимающий высокий пост, а значит, информированный. Кроме того, с некоторыми слабостями... – женщина улыбнулась. – Любовь к роскошной жизни, а тем более страсть к женщинам – очень подходящая для нашего дела слабость! Вот мы и решили сыграть на этой твоей страсти. Как говорят у вас, влюбить тебя в меня.

– Это как же так влюбить? – не понял Георгий. – Разве можно одного человека влюбить в другого? Любовь – это...

– Вы, русские, неисправимые романтики! – перебила Георгия женщина. – Влюбить одного человека в другого – дело не такое и сложное. Да ты и сам об этом слышал. Колдовство, ворожба, гипноз... Ведь слышал же?

– Предрассудки и суеверия... – вымученно улыбнулся Георгий.

– Как видишь, нет, – спокойно произнесла женщина. – Ты же в меня влюбился, не так ли? Просто-таки с первого взгляда! А ты говоришь – предрассудки.

– Так что же, ты меня приворожила?

– Скорее загипнотизировала. И между прочим, это было совсем нетрудно. В этом плане ты человек податливый. Да и

вообще ты человек мягкий. Рыхлый.

– Но как же так? – Георгий встряхнул головой. – Ладно – загипнотизировала или приворожила... допустим. Но зачем же ты со мной спала?

– А тебе, что же, не понравилось? – улыбнулась женщина.

– Я не об этом... Я о другом... как же так можно?

– Опять романтика! – поморщилась женщина. – Как видишь, можно. Разве тебе самому не приходилось так делать? Вот то-то и оно. Все можно, если это ведет к цели.

– Значит, ты спала со мной с целью...

– Уж конечно, не из-за любви! – фыркнула женщина. – Нам было нужно, чтобы ты приблизил меня к себе и утратил бдительность. И лучше всего это сделать через постель. Это азы психологии и азы разведки. А я разведчик. И соответственно психолог. Мужчина обычно доверяет женщине, с которой спит, а значит, теряет бдительность. Он становится доверчивым и болтливым... Вспомни, сколько всяких секретов ты мне выдал в промежутках между нашими постельными утехами. Если бы только те пять шахт... Кучу! Я спрашиваю – ты отвечаешь... Да еще и со всяческими подробностями и комментариями. Помнишь? Вижу, помнишь. Я – хороший разведчик.

– Сука! – сквозь зубы пробормотал Георгий.

– Сука – это у них такое оскорбление, – женщина с улыбкой посмотрела на двоих мужчин. – Вилли, ты должен это запомнить.

– Яволь! – оскалившись в усмешке, ответил Вилли.

– А тебе я скажу вот что, – женщина в упор глянула на Георгия. – Как там у вас говорят? Не сучее тебя! Да, именно так. По крайней мере, я свою страну не предавала. А ты ее предал. Задешево. В обмен на постельные утехи с первой встречной женщиной из ресторана. Ладно... Обмен сентенциями окончен. Далее будем говорить исключительно в деловом тоне. Вилли, что там за грохот за окном?

– Похоже, они уходят, – выглянув в окно, сказал Вилли. – Какие-то люди, машины, повозки...

– Значит, нам следует поторопиться, – сказала женщина. – А то вдруг сюда кто-нибудь придет. Ему ведь, – она указала на Георгия, – предстоит эвакуироваться в Кузбасс. Налаживать там добычу угля для нужд обороны. В общем, так, дорогой друг Георгий. Как я уже сказала, мы хотим с тобой договориться.

– О чем? – спросил Георгий, прислушиваясь к звукам за окном.

– О нашем дальнейшем сотрудничестве, – сказала женщина.

– Но...

– Ты нам нужен будешь и в Кузбассе. Причем в гораздо большей степени, чем здесь. Потому что здесь уже все наше. А там – еще нет.

– И зачем я вам? – уныло спросил Георгий.

– Пригодишься, – коротко ответила женщина.

– А если...

– А если – что? – перебила собеседника женщина. – Не согласишься? Ну так больше ты из этой красивой квартиры не выйдешь. Кажется, я уже тебе об этом говорила... Позовешь на помощь НКВД? А где он, этот ваш НКВД? Слышишь голоса за окном? Это они, ваши чекисты – или как там вы их называете? Убегают... Так что им не до тебя... Да и не позовешь ты никакой НКВД. Побоишься. Ты теперь для них – враг. Те пять шахт, которые твоими стараниями нам достались, дорогого стоят. Да и кроме шахт полученных от тебя сведений хватает. Или, может, ты надеешься, что в суматохе никто ничего не узнает? Не надейся – узнают. Уж мы постараемся, если что. Нам-то твои дела известны. Подсобим, так сказать, товарищам из НКВД, если потребуется. Ну, так как – будет у нас разговор?

Георгий молчал. Он не мог сказать «нет», потому что понимал, что это, скорее всего, будет последнее слово в его жизни. А сказать «да» он не решался, потому что это короткое слово изменит всю его дальнейшую жизнь. Так или иначе, но изменит. И непонятно, к чему приведут такие изменения – к добру ли, к худу ли, к жизни или, опять же, к гибели.

Вилли поднялся со своего места, подошел к Георгию и молча стал на него смотреть, скалясь и покачиваясь с пяток на носки. Он стоял и раскачивался, словно маятник, отсчитывавший последние мгновения жизни Георгия.

– Что я должен буду делать? – хрипло спросил Георгий.

– Пока ничего особенного, – ответила женщина. – Поезжай в Кузбасс, устраивайся и приступай к героической добыче угля. И жди.

– Ждать – чего? – все так же хрипло спросил Георгий.

– Привета от друзей, – пояснил Вилли.

– А потом? – спросил Георгий.

– А потом будет видно, – сказала женщина. – Так что, договорились?

– Да, – не сразу ответил Георгий.

– Вот и отлично, – сказала женщина. – Видишь, как все просто? Тем более тебе от сотрудничества с нами сплошная выгода. Дни вашей страны сочтены, это ты видишь сам, – она указала рукой за окно. – А что дальше? А дальше будет другая жизнь. Разумеется, не для всех, а лишь для наших друзей и помощников. Ты же наш друг и помощник, не так ли? Я жду ответа.

– Получается, что так, – нехотя произнес Георгий.

– Вот и отлично, – сказала женщина. – Честно сказать, не надеялась, что дело сладится так быстро. Думала, придется задействовать Вилли. Вилли, вернись на свое место. Похоже, твои услуги пока не понадобятся. Георгий Миловидов – наш друг. Он – благоразумный человек. А все благоразумные люди и наши друзья должны иметь псевдонимы. Для конспирации и, так сказать, для солидности. Я также имею несколько псевдонимов. Один из них тебе знаком – Вероника. Они, –

женщина кивнула в сторону мужчин, – тоже. Вилли, сколько у тебя псевдонимов?

– Пять или шесть – я уже и не помню, – оскалился Вилли. – Думаю, будут и еще.

– Вот видишь? – женщина глянула на Георгия с усмешкой. – Значит, и тебе нужен псевдоним. Что ты скажешь, если мы будем называть тебя Инженером? А что? Прекрасное прозвище.

Георгий в ответ лишь скривился и махнул рукой.

– Вот и отлично, – сказала женщина. – Вначале мы хотели дать тебе другой псевдоним – Любовник. Согласись, что тоже по существу. Но Инженер, думается, все же лучше. Солиднее.

На какое-то время все умолкли. Молчала женщина, потому что она сказала все, что хотела, и добилась результатов, каких хотела. Молчал Георгий, потому что ему нечего было сказать. Молчали Вилли и другой мужчина – они вообще, похоже, были людьми малоразговорчивыми. За ночным окном по-прежнему слышались людские голоса и хаотический шум, скрежет и грохот. Люди уходили из Сталино, бросая свои дома и всю прежнюю жизнь. На место прежней жизни приходила другая – непонятная, зловещая, страшная.

– Ну, и нам пора тоже, – сказала женщина, и ее спутники тотчас же, будто по команде, встали. – Покамест прощай, Георгий Миловидов. Как говорят у вас, спасибо за хлеб-соль. А еще большая благодарность за ценную помощь великой Гер-

мании. Ну и, отдельно, за любовь и ласку, – она усмехнулась.

Втроем они направились к двери. Мужчины – с пустыми руками, а женщина – с чемоданчиком в руке. Дверь отворилась, пропустила всех троих и захлопнулась.

Какое-то время Георгий сидел, смотрел в одну точку и не двигался. На душе у него было пусто и как-то по-особенному легко, как оно обычно и бывает, когда опасность миновала, а взамен не успело еще прийти никакое другое чувство или ощущение. Не хотелось ничего ни делать, ни думать, а лишь неподвижно сидеть и смотреть в пространство, ничего в нем не замечая.

Просидев так час, а может, целых два, Георгий почувствовал, что он в состоянии думать. И он стал размышлять о своей дальнейшей судьбе. Размышления вначале были тягостными и безрадостными, но постепенно в них стали проявляться некоторые просветления. «В конце концов, – размышлял Георгий, – все не так и страшно». Конечно, ситуация, в которой он оказался, скверная. Тут хоть влево, хоть вправо, а итог один. Но с другой-то стороны – все не так и плохо. Да-да! Не сегодня, так завтра он уедет в Кузбасс. А Кузбасс далеко. Там-то никаких немцев нет и в помине. Там он затеряется, растворится в людской коловерти, и попробуй его найди! Да и кому искать? Кто его знает, может быть, через самое малое время не станет на свете ни самой Вероники – или как там по-настоящему ее звать, – ни Вилли с его напарником... Война – она расшвыривает людей в разные

стороны, и неважно, кто эти люди – свои ли, немцы ли... А еще на войне погибают. И кто знает, может быть, завтра или послезавтра уже не будет в живых ни Вероники, ни двух ее помощников, – а кто еще знает, что он, Георгий, немецкий шпион по прозвищу Инженер? Вот то-то и оно... Нет, как ни крути, а он удачно выпутался из ситуации. Ничего: все забудется, перемелется, образуется. Словом, жизнь продолжается. А эта Вероника, кем бы она ни была, все-таки сука. И стерва. С такой-то красотой – да в шпионки! Что ж, и отсюда Георгий извлечет для себя урок. Обязательно извлечет. Теперь-то он будет осторожнее с женщинами. Осмотрительнее. Бдительнее. А то мало ли что? Среди них, оказывается, вот какие встречаются! Шпионки!

Глава 8

Уехал в Кузбасс Георгий едва ли не последним поездом. Ехать пришлось долго, целых три недели. Направили его в городок под названием Прокопьевск. В этом городке было много угольных шахт – куда ни кинь взгляд. Вокруг них стояли утлые деревянные хибарки, а еще больше – длинные, приземистые одноэтажные и двухэтажные деревянные бараки. Прибыл Георгий в город в ноябре, а в эту пору года, по местным меркам, стояла самая настоящая зима с морозами и снегом по самые крыши. Правда, снег этот был не белым, как полагается, а почти черным от угольной пыли, клубившейся над городком днем и ночью. Черным был снег, черными были бараки и деревья по обочинам улиц, черным было само небо. Это была безрадостная и, можно сказать, фантастическая картина, к которой надо было если не привыкнуть, то хотя бы притерпеться.

Назначили Георгия заместителем директора шахты, название которой было «Поварниха». В каком-то смысле это была редкая шахта, можно даже сказать – уникальная. Шахт в городке было много, но все они добывали уголь рядовых сортов. Этот уголь годился лишь на растопку печей и прочие бытовые нужды, и больше ни для чего. А вот на шахте «Поварниха» добывали уголь иного сорта, из которого делали кокс. А кокс являлся топливом для металлургических пе-

чей. Рядом с Прокопьевском, в тридцати километрах, располагался город Сталинск, а в нем – знаменитый, воспетый поэтами металлургический завод, носивший официальное наименование Кузнецкий металлургический комбинат, или, в сокращенном виде, КМК. Вот туда и отправлялся кокс, который делали из угля, добываемого на «Поварнихе». Коксом растапливали домны, в которых выплавляли сталь, а из стали делали танки, орудия, самолеты, снаряды, и все они прямым ходом отправлялись на фронт. Почти половина всех танков, самолетов, пушек и снарядов изготавливались именно из кузнецкой стали. Не будь шахты «Поварнихи» и добываемого в ней угля, не было бы и стали. А не было бы стали, не было бы и оружия. А не было бы оружия, не было бы и побед на фронте. Вот что значила шахта «Поварниха»!

Конечно, в Кузбассе были и другие шахты, добывавшие коксующийся уголь, но все они располагались от КМК далеко, а «Поварниха» – вот она, рядом, в тридцати километрах. Близко расположенное топливо для мартенов много чего значило, печи работали бесперебойно, сталь выплавлялась непрерывно, новенькие танки и орудия выходили из цехов непрерывной чередой.

Вот на такую шахту и был назначен заместителем директора Георгий Миловидов. Ответственный пост, что и говорить. В бытовом отношении он, по местным меркам, также устроился неплохо – ему выделили отдельную комнату в общежитии для специалистов и высшего руководства. Можно

было жить.

Георгий погрузился в работу по самую макушку. Нередко случалось, что он не покидал шахту почти целую неделю. Иногда того требовала ситуация, а иногда он это делал намеренно. Работой он старался заглушить тягостные воспоминания о той беде, которая приключилась с ним в Сталино. Вроде получалось. Но это если работать. А в свободное от работы время воспоминания, а вслед за ними и омерзительные душевные ощущения изводили и терзали его невыносимо. От них почти невозможно было избавиться, да и чем от них избавишься? Водкой? Но ее в Прокопьевске раздобыть было почти невозможно. Город жил впроголодь, нередко не хватало даже хлеба, какая уж тут водка! Да и к тому же существовал строжайший указ, запрещающий распитие чего бы то ни было горячительного. Не до водки, мол, сейчас, надо трудиться, страна в опасности. Конечно, народ, как мог, обходил этот запрет, но Георгий был не рядовым коногоном или забойщиком, он был руководящим звеном, а потому приходилось соблюдать местный сухой закон старательно и добросовестно.

Не мог забыться он и с помощью любовных отношений. Желаящие поближе познакомиться из числа женского пола, конечно, были, и было их немало, можно сказать, на выбор, и тому был свой резон. Георгий был одинок, красив, молод, начальствовал, а значит, не голодал, у него имелась отдельная жилплощадь – как тут не появиться желающим разде-

лить с ним все эти житейские радости и удовольствия? К тому же шла война, мужчин было мало, на шахте работали в основном женщины и заключенные, а это для женского пола было дополнительным стимулом наладить с Георгием романтические отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.